

Цикл
Владимира Поселягина

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Я — истребитель
Мы — истребители
Путь истребителя

ТАНКИСТ

Я — танкист
Прорыв
Солдат

Владимир Поселягин

СОЛДАТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 152

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П61 Поселягин, Владимир Геннадьевич

Танкист: Солдат: роман / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-113389-4

Анатолию Суворову повезло оказаться в том времени, которое позже назовут «огненным летом сорок первого». Много что он успел сделать, и фашисты в полной мере прочувствовали это на своей шкуре.

Но ранение, полученное в одной из операций, заставило его поменять дальнейшие планы. Однако у немцев проблем только прибавится!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113389-4

© Владимир Поселягин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Очнулся я как-то сразу. Раз, и в полном сознании, как будто свет включили, щёлкнув тумблером. Правда, сразу разобраться, где я оказался, не смог, слишком много разных звуков навалилось: тут и рёв моторов, и заполошная стрельба стрелка, что висел в люльке явно транспортного самолёта, на борту которого я, похоже, оказался, лежащим на носилках. Тут фюзеляж самолёта в очередной раз сотрясся, и там появились не рассчитанные создателями этой машины лишние отверстия. Стрелок тут же повис, покачиваясь в своей люльке, и на пол быстрыми каплями закапала кровь. Это было хорошо видно благодаря пролому, большому куску, вырванному в борту, с той стороны полыхал один из моторов. Видимо, на транспортник, несмотря на то что он летел ночью, навалились немецкие истребители-ночники, и сейчас происходило то, что происходило.

В проломе мелькнуло две фигуры, слегка неуклюжие благодаря парашютам, и нырнули в темноту. Быстро осмотревшись, я понял, что пора что-то делать. Слегка наклонившись на левый борт, самолёт явно падал, слегка планируя, а на борту из живых, кажется, остался я один. Осмотр показал, что рядом лежало четверо, оплывая кровью, по форме и петлицам явно бойцы НКВД. Хм, похоже, когда меня вывели из строя,

мои бойцы срочно вернулись на базу. Вызвали Большую землю, был прислан этот транспортник, а возможно, даже не один, и вот при возвращении его подловили. Или с земли навели, или старым маршрутом летели, где их уже ждали. Что-то было нужно делать, но что? Меня удивило, что боли от ран не было. Я пощупал себя, повязки на груди имелись, причём накрыт я был своим френчем, не немецкой формой, а тем, что имел в петлицах майорские шпалы и эмблемы танкиста. Галифе тоже были на месте, вот сапог, жаль, не имелось, это, видимо, меня бойцы переодели, чтобы передать принимающей стороне в лучшем виде. Другого объяснения не было. Немного удивляло отсутствие в салоне моих парней, только бойцы НКВД, но надеюсь, объяснение этому будет. Даже Бабочкина не было, что совсем огорчало.

Потрогав повязку ещё раз и уже нажимая сильнее, всё чувствовал, но боли не было. Если бы наркотой обкололи, думаю, до болей бы не дошло, да и чувствительность заметно снижена была бы, а тут всё нормально. Быстро сел, голова немного закружилась, отчего я схватился за скамейку, случайно обнаружив под ней сидор, и, машинально прихватив его, шатаясь, как-то не сразу ориентация в пространстве восстановилась с этой болтанкой, направился к пилотской кабине, на ходу надел френч и застегнул на все пуговицы. Пустая кабина — это значит, они покинули борт судна. А по кабине я опознал типичный транспортный «Дуглас». А сколько до земли и сколько времени будем падать, непонятно. Языки пламени уже вырывались в салон, и только сильный поток воздуха ещё позволял дышать воздухом, а не гарью, хотя и её хватало. Действовать пришлось быстро. Закинув сидор за спину, я схватил одного из бойцов за лямки парашюта, у него

вся система была на месте, а снимать времени не было, и с силой перевалил его через пролом. Меня обдало жгучим жаром пожара, даже волосы на голове затрепетали, и я стал падать в ночную мглу, но почти сразу дёрнул за кольцо.

Я хоть и крепко держался за ремни, один ещё и на кисть левой руки перехлестнул, но не сорвало меня только чудом, хотя уцепился за тело как клещ.

Порадоваться тому, что не сорвался, я не успел — ныла кисть руки, чуть не вывернул её, — как пришлось сгруппироваться и перекатом гасить скорость падения. Судя по мягкости и вязкости почвы, упали на какое-то поле, причём недавно вспаханное. Вскочив на ноги и поправив сбившийся сидор — надо же, не потерял, — мельком глянул на зарево на горизонте. Самолёт рухнул там одновременно с моим внештатным приземлением. Вздохнув, я направился к телу погибшего бойца, что мне так помог. Тут тоже причина была, у него имелся такой же сидор, как у меня, ППД, ремень с непустой кобурой, ну и по карманам, может, что найду. А то у меня пустые, я уже проверил. Погасив купол парашюта, я быстро снял ременную систему с бойца, освободив от автомата и сидора, ну и ремень с кобурой, подсумком, где в чехле находился запасной диск к автомату, фляжка и хороший нож. Хм, вроде по штату они не положены были, но у этого бойца был отличный тесак.

В общем, обыскав тело и складывая все находки, включая документы, в одно место, я вздохнул и, включив фонарик, осторожно в синем свете, чтобы издали не было видно, стянул с себя френч. Исподней рубахи, как и кальсон, не было, сразу обнажённый торс, замотанный бинтами. Причём окровавленными. Ещё раз на всякий случай потрогав то место, где должна

была быть рана, с некоторым сомнением достал из ножен нож и стал срезать повязку. Пришлось отдирать её, приклеилась благодаря крови, но моё предположение полностью подтвердилось. Помнится, Сева говорил, что был ранен, но ранение быстро исчезло, как и шрам, похоже, у меня та же ситуация, так как шрам от пулевого ранения на груди, почти у сердца, на глазах исчезал. Вот это поворот нити судьбы. Хотя, конечно, приятная опция, жаль, не многообразная. В следующий раз она не помогла, когда однофамильца повторно ранило, несколько месяцев в госпитале провалялся. Значит, и мне под пули в следующий раз не стоит соваться, проверено опытом, пусть и чужим.

Отбросив повязки, я надел прямо на голое тело френч и стал осматривать находки. Вообще стоило бы свалить отсюда, я понятия не имею, где оказался, это наша территория или ещё оккупированная немцами, но нужно определиться, что брать с собой, а что прикопать с телом, я решил похоронить бойца. Всё так же безымянного, несмотря на наличие документов, они пробиты пулей были и запачканы кровью, так что не прочтёшь данные владельца. Да и сам я в кровавых разводах был, получил их, пока висел на теле, когда покинул самолёт. Надо будет потом постирать. В том сидоре, что я прихватил, оказались патроны. То-то так тяжело было, в бумажных пачках патроны, как к автомату, так и к пистолету в кобуре, там ТТ был. Это хорошо, что оружие унифицировано под один патрон. Покопавшись в сидоре, обнаружил также шесть «лимонок». Отдельно запалы к ним. Ремень я уже застегнул, согнав складки назад, пистолет и автомат проверил, жаль, что к обоим было по запасному магазину и диску. Одному. На долгий бой боец явно не рассчитывал.

Сняв фляжку с ремня, я напился. После перенесённого стресса очень хотелось. С таким десантированием с борта расстрелянного самолёта поневоле стресс испытываешь. В общем, ремень на мне, кобура на правом боку, фляжка на левом, чехол с запасным диском к автомату спереди слева, нож тут же на левом боку. Автомат я прислонил к сидору, чтобы тот в рыхлой земле не лежал, обдул его слегка и поставил. Потом стал осматривать вещи погибшего бойца, собранные по карманам. Не так и много их было. Про документы я уже говорил, только на комсомольском билете различить смог, что его звали Григорием, а так и тот был кровью испачкан. Ну, а так что я мог найти в его карманах? В галифе кисет с ядрёным самосадом, приятная опция для сбивания со следа собак, сам я не курю, в кисете свёрнутая трубочкой пачка бумаги, разной, от газет до каких-то нарядов, видимо ненужных. Фонарик, которым сейчас пользовался, тоже у него забрал, неполный коробок спичек имелся, часы на руке — редкое удовольствие, а у этого бойца были командирские. За воротником иголку нашёл с намотанными нитками. Также прибрал и также за отворот воротника зацепил. Немного мелочи было и пара советских банкнот. В принципе, на этом всё. Я бы от шоколадки не отказался. Голод меня начал мучить сильный, сразу навалился, как водицы испил.

Теперь сидор бойца, он был целым, в отличие от гимнастёрки хозяина, которую хорошо посекала пулёмётная очередь с истребителя. По крайней мере, повреждений не нашёл, хотя некоторые пули прошили тело насквозь, счастливо избежав вещмешок. Кровью заметно замарало, конечно, но не более. Развязав горловину, я стал рассматривать, что там было. И сразу первый приятный подарок: второй запасной диск

к автомату, тоже снаряжённый, я по весу определил. Отложив его в сторону, на верх второго сидора убрал, чтобы в пыли не валять. Потом втащил свёрток, в материю оказались завернуты половина хлеба и солёное сало, уже порезанное на куски. Протерев лезвие ножа о свой френч, я быстро настрогал бутерброд и, жуя, продолжил осматривать, что есть в сидоре, складывая находки на расстеленную тряпицу, в которую ранее продовольствие было завернуто, оно так и лежало там, ещё на три бутерброда хватит, по моим прикидкам. Я нашёл ещё две лимонки, почему-то с накрученными запалами и с разведёнными усиками. Обе лимонки я повесил на пояс за предохранительную скобу. Потом нашёл две луковицы, не очень свежие, слегка пожухлые, но одну нарезал и положил на сало, вот теперь бутерброд вкуснее стал. Дальше изучить сидор не успел. Послышался сначала далёкий гул множества моторов, потом замелькал свет фар, на которых явно была защита. Оставив всё на месте, я прихватил только бутерброд и автомат и побежал навстречу грузовикам. Судя по тому, как те натужно выли на высокой ноте, шли гружёные. Дорога оказалась неподалёку, метрах в трёхстах. Я залёг рядом с ней и немного с хмурым видом рассматривал, как один за другим прошли мимо грузовики автоколонны, в которой было с два десятка машин. Ну, хоть определился. Наши территории тут были, так как в колонне находились ЗИСы, полуторки и ещё пара каракатиц, которых я вот так с ходу опознать не смог, но что это наши, скажу точно.

Колонна прошла, поэтому я решил вернуться. Так же ойкая, если вставал на что-то босыми ногами. Кстати, навстречу проехавшей колонне шла ещё одна, возможно порожняком. Добежав до тела, я продолжил инвентаризацию имущества. Внизу сидора я нашёл пару

пачек патронов, около сотни для автомата, блокнот с карандашом, в блокноте половины страниц не было, видимо для писем использовали, запасные портянки нашлись, ну и две банки рыбных консервов. Открывать не стал, мне и сала хватило, доедал уже второй бутерброд. Голод вроде утолил, только снова пить захотелось. В общем, вернув всё во второй сидор, я сложил их вместе и, подхватив бойца под мышки, вместе с парашютом утащил его к дороге и положил на обочину, благо вторая колонна уже прошла. Хотя опять моторы звучать начали. Раз тут наши, то закапывать тело я передумал, решил не тратить время, вернул документы в нагрудный карман, наши похоронят, может, хоть не будет пропавшим без вести, если кровь нормально из документов уберут. Потом вернувшись за вещами, я прямо по полю направился в ту сторону, куда ушли грузовики первой автоколонны. Шли гружёные, значит, к фронту, по-другому быть как-то не могло.

А пока шёл, занимался размышлениями. Раз ситуация повернулась так, что я снова свободен и на ногах, то зачем возвращаться, повоюем ещё. Пусть сейчас где-то начало сентября. Вон уже прохладно по ночам, шинельку бы неплохо заиметь, но пару месяцев ещё можно на передовой поработать, а дальше видно будет. Я ведь тоже понимаю ценность моих знаний, и что нужно ими делиться, однако иметь такую же золотую клетку, как получил мой однофамилец в параллельном мире, я не хотел категорически, поэтому и желал максимально оттянуть встречу с правительством Союза. До предела, пока есть возможность, в их сети я не пойду. Ранение, конечно, серьёзный фактор, и тут никуда не денешься, и если бы я так не излечился и самолёт благополучно долетел, то имелись все шансы, что я уже был бы в руках представителей Советского

Союза, но если судьба сделала такой резкий поворот, то я лично только рад и мысленно аплодирую ей. Тем более в связи с тем, что самолёт был сбит, есть все шансы, что меня посчитают погибшим и не будут искать. Надеюсь, тот боец, которого я оставил на обочине, не наведёт на мысль о том, что я жив. Тем более должно быть известно о моём ранении.

Идти босиком было неудобно, я, конечно, закатал штанины, но всё равно. Да, я помню про сапоги погибшего бойца. Но извините, сорок последний размер как-то не подходил моему сороковому. Так что приходилось идти осторожно, не используя фонарик, а только естественное освещение в виде луны. Видимо, она и вывела немцев на самолёт, хорошо зараза всё освещала. Пока я не знаю, что буду делать, иду на авось, не строя планы, но выходить пока к людям не стоит. Вид расхристанный. Без обуви и головного убора, форма в пятнах чужой крови, документов нет. В общем, не тот вид, который стоит показывать, однако я надеюсь что-то придумать, как-то переодеться.

Где-то километра через три мне глубокий овраг попался, перебрался через него и направился дальше по полю, где колосилась пшеница. Кстати, я понял, почему поле, куда мне удалось десантироваться, оказалось вспахано. Там по краям у оврага следы огня, трава сгорела, видимо и поле полыхнуло. Отчего, не знаю, может, сбитый самолёт упал, объятый пламенем, но поле перепахали. После оврага я ещё километра два прошёл и наткнулся на речку. Где я нахожусь, даже приблизительно не знаю, с одной стороны виднелся каменный мост, явно дореволюционной постройки, там смена караула как раз проходила. Бдят бойцы, так что соваться не стал, а ушёл в другую сторону за излучину, где и стал раздеваться, хочу форму постирать, пусть

кровь уже подсохла, но надеялся убрать следы, песком и глиной натру, может, и уберу явные следы крови. Так и сделал, заодно и сам искупался, вода была заметно прохладной. Спать не хотелось, видимо организм уже взял своё, на горизонте просветление, рассвет наступает, вот и решил заняться делом.

А когда почти рассвело, я уже постирал всё и развесил на ветках, вдали загрохотало. Гаубицы работают, они километрах в десяти обычно от передовой находятся, саму передовую не слышно, слишком далеко, но то, что я недалеко от фронта, теперь стало ясно. А всё же, где я нахожусь? И на дорогу не выйдешь посмотреть дорожные указатели. Устроившись в кустах, а я сделал себе лёжку, причём по-умному, чтобы со стороны не видно было, что они потревожены, да и форму особо не рассмотришь, потемнела, сливается с фоном тёмной листвы. Я размышлял, наявивая консервы с остатками хлеба. Кстати, ложку я нашёл за голенищем сапога у бойца, завернутой в платок. Хорошая ложка, металлическая, глубокая, такой только щи хлебать, много зачерпнуть можно. Есть хотелось постоянно, мне кажется, это организм так отреагировал на лечение, потерю крови и остальное, что было после ранения. Ресурсы внутренние таким образом восстанавливал. Так что я одну консерву доел и краюху хлеба. Осталось сало, грамм сто, луковица и вторая банка с этими рыбными консервами. Да, кстати, на удивление мне они понравились, вкусные, есть можно. Правда, чуть подсолить нужно было, но вот соли не имелось.

Однако проблемы с запасами продовольствия уже вставали в полный рост, так как зная свой организм, как он стал требовать еды, думаю, остатки продовольствия я заглочу в течение ближайших четырёх часов, и дальше всё, голод. Надо что-то думать и искать вы-

ход из положения, пока не прекратятся эти странные и резкие позывы с острым желанием чего пожрать. Надеюсь, долго это не продлится. Рассвело, в воздухе уже с полчаса постоянное гудение авиационных моторов, наших я не видел, немцы полностью господствовали в небе, бомбардировщики внаглую летали без прикрытия, ничего не опасаясь. А вот грохотание со стороны фронта подозрительно усилилось. Там также вились немецкие штурмовики и бомбардировщики. Похоже на то, что немцы пытались прорвать фронт. Надо же, не повезло оказаться на острие удара. Отметив, что бомбардировщики начали что-то бомбить в стороне у дороги, я понял, кто их цель. А что там может быть, кроме очередной автоколонны? Работало три самолёта, я решил быстро собраться и сбегать к месту бомбёжки, я надеялся подобрать себе форму и припасов. Плохо, конечно, так говорить, но надежда на это была. Только я не успел, послышалось едва слышное шуршание, и я отчётливо распознал немецкий говорок, благо практики в нём у меня недавно было преизрядно. Кто-то выругался, на него шикнули, и немец шёпотом пояснил, что получил в глаз веткой, вот и не сдержался. Опаньки, а это даже лучше, чем я мог мечтать.

Двигались на меня, и им наверняка придётся проходить или у кромки у воды, тогда ладно, они меня не засекут, или поднявшись выше к склону к деревьям, где рассмотрят мои вещи, что сохли на ветвях кустарника, лагерь-то вряд ли, место больно удачное попало, вблизи не увидишь. Я осторожно потянулся и, отстегнув клапан кобуры, так же осторожно достал пистолет. Взводить его не нужно, оружие уже было готово к бою. Я в курсе, что многие командиры не любят его в таком виде носить, бывает при падении или резком встряхивании может произойти произвольный

выстрел, но со мной такого пока не было, поэтому оружие было взведённым. Немцы повернули, чтобы обойти густой и явно колючий кустарник поверху. А вот я ещё больше насторожился. Рассматривая их, определил в трёх немцах, что продвигались рядом, снайперскую группу. У двух СВТ в снайперском исполнении, только прицелы не штатные, и третий явно для прикрытия, с автоматом. По виду десантники, может быть не из батальона «Бранденбург», надежда пожить в целой советской военной формой не оправдалась, в форме вермахта были. Взяв их на прицел, я все же опустил оружие, и для этого были веские причины. Засёк боковым зрением движение на другом берегу реки, слегка повернул голову и рассмотрел семерых немцев, что мелькнули в «окне» среди камышей и кустарника, но там группа явно больше была, могло быть и полтора десятка. Двух пулемётчиков также рассмотрел. Шли они к мосту. Тут даже и думать не стоит для чего, раз немцы на этом участке фронта решили двинуть вперёд.

А то, что это одна группа, было ясно и по одинаковой форме, оснащению, да даже кустикам, воткнутому в сетку на касках, да веточки под погонами — всё для маскировки. Разве что у снайперов, у одного из солдат, была свёрнутая в рулон маскеть, видимо чтобы сделать укрытие, замаскировать лёжку. И вот как теперь действовать? Открою огонь, так та группа, что на другом берегу, сразу проредит мой кустарник плотным огнём, смысла им ховаться уже не будет. Убрав пистолет обратно в кобуру, я достал нож. Ну да, остался только один шанс, благо снайперская группа, обходя мой кустарник, оказалась вне зоны видимости для своих соотечественников на другом берегу. Если удастся сработать тихо, это будет просто отлично. Скользнув по низу кустарника, я выбрался наружу за спиной третьего